

Понятия как «рекуррентные элементы» дискурса: подход к истории концептуального в «археологии знания» Мишеля Фуко

ИВАН НОВИК

Младший научный сотрудник, Центр историко-философских и компаративных исследований, Институт философии НАН Беларуси. Адрес: 220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2. E-mail: novik.jan@gmail.com.

Ключевые слова: дискурсивный анализ; археология знания; Мишель Фуко.

В статье рассматривается сюжет из «Археологии знания» Мишеля Фуко, не получивший, по мнению автора, должного внимания и развития: рассмотрение концептов как рекуррентных элементов дискурса. Такое определение должно означать, что понятия представляют собой своеобразные возвратные элементы дискурса, которые характеризуют неравномерность распределения лингвистических единиц, и тем самым служат проявлением дискурсивных регулярностей. Понятия — это также реализации специфической дискурсивной темпоральности: их дистрибуция и циркуляция указывают на то, что актуально, насыщено для данного дискурса, что удерживается им в качестве собственного прошлого и что предназначается в качестве его возможного будущего. Именно как возвратный элемент и дискурсивная темпоральность понятия коррелятивны «ассоциированной области» высказывания, то есть форме соотношения с областью «уже сказанного». Рекуррентность необходимо рассма-

тривать здесь и в математическом значении слова: концепт как значение «переменной» рекуррентной функции реализует определенную схему соотношения с предшествующими высказываниями и находится в зависимости от нее.

Автор рассматривает три «подпространства» формирования понятий из «Археологии знания»: формы последовательности, формы сосуществования и процедуры вмешательства. Он указывает, что их необходимо понимать прежде всего в рамках сквозной для всей «Археологии» «гипотезы Фуко», которую тот повторяет во всех четырех главах, посвященных «формированию...» объектов, модальностей, понятий и стратегий соответственно. Выделенные подпространства, с одной стороны, независимы, и способность их концептуального объединения не существует, но, с другой стороны, они исторически взаимосвязаны — изменение системы одного подпространства синхронизировано с изменениями на более высоких уровнях, коррелятивно им.

Величайшие события — это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы. <...> Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром.

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра

ВОЗМОЖНО, «Археология знания» Мишеля Фуко — не самая популярная из его работ, однако ее этапный характер, да и статус «книги самого Фуко», привлекает немалое внимание интерпретаторов и критиков. Мы беремся утверждать, что в одной из глав — «Формирование понятий»¹ — французский философ наметил одну из самых радикальных трансформаций теоретического аппарата и методологии интеллектуальной истории². Трансформацию, удивительным образом не замеченную и не понятую его читателями и комментаторами. Словно теми самыми «голубиными шагами» мысль Фуко во всей своей радикальности прошла мимо читательского внимания. Возможно, сама мысль автора «Археологии знания» недостаточно последовательна и во многом

1. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 121–135.
2. Здесь и далее мы будем понимать под интеллектуальной историей все те гетерогенные проекты и исследовательские программы, которые возникают на руинах классической истории философии. Интеллектуальная история — это попытки сказать больше и «лучше», нежели в историко-философском дискурсе: попытки обратиться к большему спектру текстов, охватить больший массив феноменов (не только «классиков», но и второстепенных мыслителей; не только исключительное, экстраординарное мышление, но и «серое», повседневное, характерное для масс и культуры в целом), попытки воспользоваться другими объяснительными моделями и интерпретационными сценариями, найти новое дисциплинарное определение и местоположение (например, история философии, в которой больше истории, нежели самой философии). Для самого Фуко это аморфное, но все же очевидное исследовательское поле известно как «история идей». История идей и интеллектуальная история некогда возникали в различных ситуациях и под давлением различных замыслов, однако сегодня они практически синонимичны и именуют принципиально тождественное, а выбор того или другого названия связан скорее с национальной научной традицией. В русскоязычном пространстве более «ходовым» и привычным выражением стало «интеллектуальная история», поэтому и мы отдаем ему предпочтение. Нашему читателю следует, таким образом, помнить: говоря «интеллектуальная история», мы говорим практически то же — за вычетом разницы во времени и культурном контексте, — что и Фуко, говорящий об «истории идей».

противоречива — и в книге в целом, и особенно в данной главе. Однако уже в силу названной радикальности и эксцентричности она достойна дальнейшего обсуждения и осмысления.

Дабы выяснить, что конкретно и каким образом Фуко требует изменить в подходе интеллектуального историка к проблеме понятий, нам потребуется еще немало текста и интерпретационных усилий. Куда проще, подобно самому Фуко, сказать, чем не является искомый подход³ — он не является традиционным. Под традиционным подходом истории философии (как и претендующей на альтернативный ей статус интеллектуальной истории) мы понимаем следующее: вычленение в тексте (текстах) нескольких основополагающих концептуальных единиц. Будут ли они названы и проинтерпретированы как идеи/понятия/категории, в данном случае не важно, — далее все «сказанное» разделяется на две совокупности: а) контекста генезиса этих основных концептов, б) имплицированного ими. Возьмем в качестве примера того же появившегося в начале нашего текста Ницше. Традиционным

3. Напомним читателю о том изобилии негативных «определений» в «Археологии», которое заставило Мориса Бланшо сравнить археологический проект Фуко с апофатическим богословием (*Blanchot M. Michel Foucault tel que je l'imagine. Montpellier: Fata Morgana, 1986. P. 26*), а Жака Ревеля — заметить, что по аналогии с кьеркегоровской «Или — или» «Археологии» больше бы подошло название «И ни то, и ни это» (см.: *O'Farrell C. Foucault: Historian or Philosopher? Basingstoke: Springer, 1993. P. 14*). Причины такого увлечения Фуко «апофатикой» известны и простительны: у написанной вслед за «Словами и вещами» «Археологией знания» была куда более амбициозная задача, нежели просто задним числом подверстать методологическую основу для ранних работ. В первую очередь французский философ искал выход из того «антропологического сна» и его многочисленных Сцилл и Харибд трансцендентального и эмпирического, истории и природы, тела и культуры, позитивизма и эсхатологии, которые были выявлены и так рельефно обрисованы в «Словах и вещах». Ставка «Археологии» — не теоретическая когерентность предшествующей работы философа, но радикальная переделка всей гуманитарной традиции. Попав в ловушку собственных амбиций, Фуко вынужден был частично пожертвовать последовательностью и системностью своей работы: он настолько отдался мантре *neti neti*, что практически упустил всю положительно-концептуальную часть работы. Тем хуже для интерпретаторов и последователей Фуко, желающих разглядеть в «Археологии знания» исправный и готовый к применению методологический инструмент для существующих и возможных исследований. А то, что такое прочтение востребовано и необходимо, подтверждается как минимум тем, что почти ни одно исследование метода дискурсивного анализа, — как и исследование с помощью этого метода, — не обходится без ссылок на Фуко и его «Археологию» как на зачинателя и основателя традиции (*Jørgensen M. W., Phillips L. J. Discourse Analysis as Theory and Method. L.: Sage, 2002. P. 12*).

подходом будет: сказать, что основы идеи Ницше — это «сверхчеловек», «вечное возвращение», «смерть Бога» и «воля к власти», далее представить часть его текстов и высказываний как приступающие к формированию этих идей, как побудившие к ним размышления, часть — как вытекающие из этих идей, предопределенные ими мысли и постулаты. Индивидуальные вариации подобного метода распространяются только на следующее: 1) что рассматривать в качестве исходных текстов, что будет «выборочной совокупностью» для выявления тех самых исходных концептов (наиболее важные тексты Ницше, все его творчество в целом, тексты Ницше на фоне интеллектуальной продукции времени и т. д.); 2) какие интерпретационные схемы необходимо задействовать для подведения под рубрики генезиса идей и имплицированного ими. По этой же проторенной дорожке движется мысль интерпретаторов и критиков Фуко при чтении главы «Формирование понятий» из «Археологии»: Фуко, дескать, предлагает нам находить и анализировать основные понятия в дискурсах эпохи⁴. Такое прочтение, однако, не выдерживает критики.

Причина этого, во-первых, в вопросе об элементарных единицах в понятийном инструментарии «археолога знания». Фуко, напомним, настаивает: исходной аналитической единицей дискурсивного анализа должны быть высказывания. И не устает подчеркивать: высказывания — это атомы дискурса⁵, единицы его дискретного потока. Они (высказывания) не сводимы к входящим в их состав лингвистическим или логическим единицам и не выводимы из них. «По ту сторону» высказываний заканчивается работа дискурсивного аналитика и начинается научное поле лингвиста, логика и т. п. Поэтому было бы как минимум странно, если бы после всех этих заверений в атомарности и элементарности высказываний Фуко предложил очевидно более первичные и более простые единицы — понятия. Соответственно, для французского мыслителя понятия должны быть чем-то зависимым и вторичным в сопоставлении с высказываниями.

Во-вторых, введение в построения «Археологии знания» самостоятельного концептуального поля как объекта анализа, очевидно, означало бы утерю того горизонта анонимной историчности,

4. Сошлемся на наиболее известных и авторитетных Хьюберта Дрейфуса и Пола Рабинова (*Dreyfus H. L., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 69–71*), хотя примеров можно привести еще много.

5. Фуко М. Указ. соч. С. 161.

который с таким трудом был добыт, очерчен в предшествующих главах книги. Экспликация или постулирование устойчивого концептуального каркаса текста/эпохи с неизбежностью предполагает возвращение к теме трансцендентального или эмпирического *cogito* как последнего гаранта этой устойчивости, *cogito*, заданного внеисторическими законами логики или психологии.

Наконец, задача, которую ставит Фуко перед своим «археологическим» проектом, как и заявленное нам главное преимущество «археологической» оптики в сопоставлении с традиционными подходами, — возможность объяснить сосуществование в рамках единой дискурсивной формации принципиально гетерогенных понятий. Причем акцент здесь приходится на «сосуществование», а никак не на «понятия». Фуко не раз повторяет: любое кажущееся концептуальное единство творчества автора или эпохи не составляет труда распылить, оспорить, стоит только взять во внимание более широкий текстовый, временной либо культурный отрезок⁶. При таком расширении мы неизбежно встретим понятия, которые не просто противоречат друг другу — противоречия можно нейтрализовать, прибегнув к диалектике, — а происходят из принципиально несовместимых семантических и логических пространств⁷. Такая понятийная «дисперсия» может быть, согласно Фуко, объединена только в единую дискурсивную формацию.

Если не традиционный подход, то что же нам предлагает Фуко под рубрикой «Формирование понятий»? Здесь придется прибегнуть к экскурсу в концептуальное целое «Археологии знания».

В принципе, ответственность за последующие непонимание и переиначивания текста частично лежит на самом Фуко. Он выбрал крайне неудачный и странный стиль для своего методологического трактата. Логика наррации в «Археологии знания» цикличная — Фуко не дает определений терминов в порядке возрастания их системной сложности, но перескакивает между разными уровнями, возвращаясь к тем же проблемам снова и снова. Сначала Фуко знакомит читателя с понятием дискурсив-

6. Там же. С. 122.

7. Как утверждает Фуко, того же автора-Ницше как индивида, казалось бы стоящего за всеми его текстами, и, следовательно, последний принцип их интерпретации можно поставить под сомнение, стоит только взять во внимание действительно все оставшиеся от него тексты: записки на манжетах, выкрики времен сумасшествия, росписи на счетах из прачечной (Там же. С. 67). Рискнет ли кто-нибудь сказать, что все эти тексты принципиально сводимы к его (да и вообще каким-либо) основным идеям?

ной формации (и именно здесь вводит «формирования понятий» как одно из ее измерений) и только потом пробует определить «высказывания» как основополагающий элемент этих самых формаций; заканчивает же книгу сравнение «археологического» проекта с другими методологиями изучения интеллектуальной истории. Если, с определенной долей условности и метафоричности, применить к философским произведениям понятие жанра, то «Археологию знания» можно отнести к рубрике своеобразных «философских детективов», введенных в философский репертуар, по-видимому, Хайдеггером, — текст разворачивается таким образом, чтобы у читателя сложилось впечатление: те или иные ходы мысли, концептуальные решения одновременны с повествованием, определенные теоретические озарения продиктованы самим разворачиванием нарратива; в середине написания книги окончательный результат и финальные выводы неизвестны автору, а сам он являет собой и главного героя концептуальных «приключений» произведения. Такая подача, конечно, придает тексту определенную суггестивность и риторическую убедительность, позволяет познакомиться с «механикой» авторского мышления, но в то же время существенно вредит транспарентности и системности текста, что особенно критично в случае методологического трактата.

Более «академическая» версия «Археологии» должна была бы выглядеть так: вначале описание отличий проекта от других версий интеллектуальной истории, далее — проект аналитики высказываний и лишь затем — раздел, посвященный дискурсивным формациям. Возможно, напиши Фуко свою книгу в таком порядке, удалось бы избежать одной из самых распространенных интерпретаторских ошибок (или как минимум упущения), связанных с ней: чаще всего критиков этой работы «хватает» лишь на один из фрагментов текста — на раздел или о дискурсивных формациях, или об анализе высказываний. При этом игнорируется одно из важнейших, на наш взгляд, руководств к прочтению книги самого Фуко. Французский философ, напомним, настаивал: высказывание имеет четыре основных параметра (объект, субъект, ассоциированная область и материальность), которые отражаются в четырех коррелятивных параметрах дискурса (объекты, модальности, концепты и стратегии). Конечно, терминологический выбор Фуко, как и его практически полное молчание по поводу того, каким образом он считает субъекты скоррелированными с модальностями, ассоциированную область — с концептами, а материальность — со стратегиями, является еще одной весомой причиной того, что его собственное мнение не было услышано. Многие

интерпретаторы, спасовав перед этой дилеммой, просто выбрали один из объектов анализа — или высказывания, или дискурсивные формации — и игнорировали вторую часть, как и саму непонятую связь между ними.

Мы все же будем исходить из гипотезы, что за таким терминологическим выбором стояла определенная логика и замечание Фуко не голословно. Таким образом, помимо всех оговоренных выше негативных моментов (как не следует трактовать главу о «Формировании понятий»), мы получаем еще и нормативное требование к прочтению: лишь ту ее интерпретацию следует считать верной, которая дает возможность представить «формирование понятий» в дискурсивном анализе сущностно «тем же самым», что и «ассоциированная область» на уровне анализа единичных высказываний.

Что же из себя представляет «ассоциированная область»⁸ высказывания? Говоря метафорически, это неизбежная и неизбывная тень, которую высказывание отбрасывает на область уже сказанного: любое высказывание подхватывает чью-то речь, продолжает или отрицает сказанное ранее, и потому оно в первую очередь являет собой свидетельство и напоминание о существовании других высказываний⁹. У дискурса нет абсолютных начала и окончания, он — паутина отсылок и связей, каковая и составляет его сущность. Говоря же более строго, ассоциированная область — это место применения функции высказывания; те фактические параметры дискурсивного поля, которые она возвращает как конкретное свое «значение»¹⁰. Таким значением в рамках «Археологии» является то, что произойдет, возымеет место вместе с высказыванием и за его счет¹¹. В качестве же «аргумента» дан-

8. Фуко отмечает, что тот же феномен может быть назван также и «коллатеральным пространством» (*espace collatéral*) высказывания или «полем высказывания» (*champ énonciatif*) (Там же. С. 192, 193; ради точности будут приведены также ссылки на французский оригинал: Foucault M. L'Archéologie du savoir. P.: Gallimard, 1969. P. 128, 130).

9. Ср. с очень похожей в данном вопросе позицией Бахтина (Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 годов. С. 159–206).

10. Значение здесь необходимо понимать в первую очередь в математическом смысле, как значение функции.

11. «Высказывания» Фуко — это речевые акты Джона Остина и Джона Сёрла, «увиденные под другим углом». Да, в «Археологии» Фуко пробовал отмежеваться от теории речевых актов, однако попытка оказалась неудачной в связи с его недопониманием данной теории, — на что ему указал сам Сёрл в личном письме, а Фуко вынужден был признать: «Что касается»

ной функции следует понимать «значение» ассоциированной области — ее совокупный «вес» в социальном поле: значение (и значительность) той или иной теоретической/практической стратегии, ее статус и признание как в профессиональном сообществе, так и в культуре в целом, ее сцепление с теми или иными социальными, политическими практиками. Данный вес задействуется (в прямом, или негативном, или же искажающем, изменяющем порядке) в конкретном ситуационном контексте: он соединяется в характерной для него модальности с параметрами момента. Будучи «успешным», задействование добавляет свое значение в общий «вес» теоретической стратегии и, наоборот, отнимает при «неуспешности».

При этом Фуко отмечает, что ассоциированную область следует отличать от более традиционного понятия контекста¹². Контекст всегда реконструируется постфактум, само же высказывание рассматривается на фоне контекста, как его пассивное отражение. Роль высказывания в отношении ассоциированной области, наоборот, активная. Высказывание само предзадает контуры своего возможного сцепления с другими высказываниями, детерминирует характерную для него дискурсивную темпоральность (именно из высказывания мы «вычитываем», что ему предшествовало, какое прошлое оно берется продолжить, возобновить или оспорить, оно же само и предначертает свое будущее: будет ли оно подхвачено, услышано, сохранено или забыто и отброшено, не успев прозвучать). Ассоциированная область — это своеобразное «гало», которое высказывание активно излучает на фоне «уже сказанного». Фуко приводит следующие примеры: плотность, размах и тип связей, которыми высказывание соединяется со своим лингвистическим окружением, имеют принципиально различную природу, если мы имеем дело с высказыванием из литературного романа или из научного трактата; высказывание совершенно по-разному захватывает ситуацию своего возникновения в круг высказанного им в случаях, когда перед нами одна из реплик повседневной беседы или протокольное суждение из лабораторно-

ся анализа речевых актов, я полностью согласен с вашими замечаниями. Я был неправ, когда говорил, что высказывания — это не речевые акты, но этим я хотел подчеркнуть тот факт, что я увидел их под другим углом» (*«As to the analysis of speech act, I am in complete agreement with your remarks. I was wrong in saying that statements were not speech acts, but in doing so I wanted to underline the fact that I saw them under a different angle than yours».* Цит. по: Dreyfus H. L., Rabinow P. Op. cit. P. 46).

12. Фуко М. Указ. соч. С. 192–193.

го отчета¹³. Ассоциированная область — это не просто совокупность ассоциатов высказывания, это формальная, топологическая характеристика его связи с ними, то есть Фуко ставит проблемы на квазитрансцендентальном уровне (или, как он сам выражается, на уровне «исторического априори»). Именно поэтому Фуко замечает: ассоциированная область частично детерминирует контекст высказывания¹⁴, делает его возможным¹⁵. Ту же роль обуславливающей инстанции она играет и в отношении к психике, ментальному миру говорящего субъекта¹⁶. Имеем ли мы дело с отдельным моментом литературного рассказа, или с шагом в последовательной цепочке дедуктивного доказательства, или с брошенной между прочим репликой повседневной беседы — каждый раз

...способ присутствия других высказываний в сознании субъекта будет другим: то есть в каждом из этих случаев используется другой уровень и другая форма лингвистического опыта, вербальной памяти, мысленного воскрешения уже сказанного¹⁷.

Ассоциированная область задана для индивидуальной психики, она указывает те границы и тот каркас, которые индивидуальной памяти и предвидению еще только предстоит наполнить, претворить. Возможно, русло и можно рассматривать в качестве сотворенного рекой как метафизическим единством, созданным нашим воображением, однако в каждый конкретный момент реальный водный поток задан и ограничен его берегами. То же и с высказываниями: их специфическую топологию при определенном желании можно возвести к «ментальности эпохи», но протекание конкретных психических и ментальных процессов, наоборот, задано их рамками. Или, словами самого Фуко, «психический ореол формулировки на расстоянии управляется расположением поля высказывания»¹⁸.

Именно с подобно понятой «ассоциированной областью» должно быть коррелятивно формирование понятий на уровне дискурсивной формации. Каким же образом?

Ключ к пониманию мысли Фуко, по нашему мнению, в его определении понятий как «рекуррентных элементов» (*éléments*

13. Там же.

14. Там же. С. 193.

15. Там же. С. 192.

16. Там же. С. 192–193.

17. Там же. С. 193.

18. Там же.

récurrents). Приведем ключевые, на наш взгляд, высказывания из «Археологии», где используется такое понимание.

Для одной и той же науки, по мере того как изменяется ее настоящая, *рекуррентные перераспределения* дают нам несколько вариантов прошлого, несколько форм соединения, иерархий степени важности, сетей детерминаций, несколько теологий¹⁹.

Но что именно в XVII веке было изменено и с тех пор будет управлять появлением и рекуррентностью понятий во всей Естественной истории, так это общее расположение высказываний и их постановка в ряд в детерминированных совокупностях...²⁰

В XVII и XVIII веках Естественная история — это не просто форма познания, которая дала новое определение понятиям «род» или «признак» или ввела такие новые понятия, как «естественная классификация» или «млекопитающее»; прежде всего, это совокупность правил построения высказываний в ряды, это обязательная совокупность схем зависимостей, порядка и последовательностей, где распределяются рекуррентные элементы, которые могут расцениваться как понятия²¹.

Таким образом, мы пытаемся установить, как рекуррентные элементы высказываний могут вновь появляться, разъединяться, перестраиваться, преобладать в распространении или детерминации, включаться в новые логические структуры и, наоборот,

19. Там же. С. 38. Ввиду важности нюансов мысли Фуко позволим себе для всех цитат, связанных с рекуррентностью, привести и французский оригинал: «*Redistributions récurrentes qui font apparaître plusieurs passés, plusieurs formes d'enchaînements, plusieurs hiérarchies d'importances, plusieurs réseaux de déterminations, plusieurs téléologies, pour une seule et même science à mesure que son présent se modifi*» (Foucault M. Op. cit. P. 10).
20. Там же. С. 123. Ср.: «*Mais ce qui a été modifié au XVIIe siècle, et va régir l'apparition et la récurrence des concepts, pour toute l'Histoire naturelle, c'est la disposition générale des énoncés, et leur mise en série dans des ensembles déterminé*» (Ibid. P. 76).
21. Там же. С. 123–124. Ср.: «*L'Histoire naturelle, au XVIIe et au XVIIIe siècle, ce n'est pas simplement une forme de connaissance qui a donné une nouvelle définition aux concepts de "genre" ou de "caractère", et qui a introduit des concepts nouveaux comme celui de "classification naturelle" ou de "mammifère"; c'est, avant tout, un ensemble de règles pour mettre en série des énoncés, un ensemble de schémas obligatoire de dépendances, d'ordre et de successions où se distribuent les éléments récurrents qui peuvent valoir comme concepts*» (Ibid. P. 76–77).

приобретать новые семантические содержания и создавать между ними частные объединения²².

Наконец, анализ высказывания предполагает, что мы принимаем во внимание феномены повторяемости (*phénomènes de récurrence*). Любое высказывание включает в себя поле предшествующих элементов, относительно которых оно располагает, но которые оно способно реорганизовывать и перераспределять в соответствии с новыми отношениями. Высказывание создает для себя свое прошлое, открывает свое родство с тем, что ему предшествует, заново обрисовывает то, что делает его возможным, исключает то, что с ним несовместимо. И оно утверждает это свое прошлое как обретенную истину, как происшедшее событие, как форму, которую можно видоизменять, как материю для преобразования или же как объект, о котором можно говорить, и т. д.²³

Понимание понятий как рекуррентных элементов, во-первых, означает: они выступают «возвратным»²⁴ элементом дискурса — они возвращаются в дискурс и возвращаются дискурсом с определенными, очевидными постоянством и настойчивостью. Понятия — это то, что характеризует неравномерность распределения лингвистических единиц в дискурсе. К примеру, в границах определенного отрезка европейской интеллектуальной истории можно наблюдать принципиальную множественность упоминаний «эволюции»: как более-менее строгого биологического или космологического понятия, как простой метафоры литературоведения, как взгляда на биографическое/социальное целое и т. д. Правы ли интеллектуальные историки, которые в такой понятийной «монотонности» хотели бы видеть единство ментально-

22. Там же. С. 129. Ср.: «...on essaie de repérer ainsi comment les éléments récurrents des énoncés peuvent réapparaître, se dissocier, se recomposer, gagner en extension ou en détermination, être repris à l'intérieur de nouvelles structures logiques, acquérir en revanche de nouveaux contenus sémantiques, constituer entre eux des organisations partielles» (Ibid. P. 80).

23. Там же. С. 240. Ср.: «L'analyse énonciative suppose enfin qu'on prenne en considération les phénomènes de récurrence. Tout énoncé comporte un champ d'éléments antécédents par rapport auxquels il se situe, mais qu'il a pouvoir, de réorganiser et de redistribuer selon des rapports nouveaux. Il se constitue son passé, définit, dans ce qui le précède, sa propre filiation, redessine ce qui le rend possible ou nécessaire, exclut ce qui ne peut être compatible avec lui. Et ce passé énonciatif, il le pose comme vérité acquise, comme un événement qui s'est produit, comme une forme qu'on peut modifier, comme une matière à transformer, ou encore comme un objet dont on peut parler, etc.» (Ibid. P. 163–164).

24. Одно из значений французского *récurrent*.

сти или «опыта»: внезапно у европейской культуры упали шторы с глаз, и она стала восприимчивой и чувствительной к всеобщей изменчивости и историчности? Для Фуко такое объяснение слишком мифологично и субъектоцентрично. Для него возвратность какого-либо понятия — это только поверхностный эффект и эпифеномен от возвращения определенной функции высказывания, а неравновероятность, которую воплощают понятия, — это проявление дискурсивных регулярностей. Искомое для Фуко — не значение определенных понятий или ранжир их фундаментальности, но механизм их циркуляции внутри дискурса и правила их сосуществования. Последствием такого подхода является то, что понятия теряют свою кажущуюся самотождественность: не существует первого, базального концептуального ядра, замкнутой в себе идеи, которая пребывала бы в нетронутости за различными лингвистическими и речевыми оболочками. От самого начала понятия есть возможность изменения, отсутствие единственно правильного объяснения или же способа оперирования ими. Та же «эволюция» может быть и непроясненной гипотезой, и референцией к совокупности философских положений, и транскрипцией относительно области «живого» идей из космологии и геологии, и отсылкой к «научной очевидности», и простой аллюзией на биологический дискурс и его авторитет. Во всем множестве своих проявлений за термином «эволюция» не стоит ничего неизменного, инвариантного — любой семантический «сухой остаток» будет и далее испаряться по мере того, как берется все больше исторических ситуаций использования термина. Соответственно, отпадает нужда во введении гипотетической единой ментальности, коррелятивной предполагаемому семантическому единству всех употреблений этого понятия. «Эволюция» в глазах «археолога знания» и есть эта возможность своих различных использований, способ соотносить «уже сказанное» с конъюнктурой настоящего момента. Объяснения же возвратности «эволюции» следует искать через анализ прагматики данной конъюнктуры: вследствие определенного эпистемического сдвига отсылки к географическому, космологическому дискурсам в рамках биологии оказались важнее, приоритетнее, значительнее отсылок к библейской истории, далее сам биологический эволюционистский дискурс приобрел необходимый вес и значительность, научный престиж и наглядность, дабы стать желанным, искомым объектом референций и попыток присвоения.

Понятие — это не семя идеального, закинутое в тленный мир, и не абстракция от эмпирического; это своего рода «пробой» ме-

жду общностью «уже сказанного» и сингулярным событием конкретного высказывания.

Необходимо заметить, что в рамках того типа дискурсивного анализа, который разрабатывал Фуко, концептуальное удерживается в специфическом темпоральном горизонте. Мы (и «мы» здесь иррелевантно философским схизмам идеализма и материализма) привыкли размещать понятийное во вневременности и безвременно, на окраине исторического, в «неисчерпаемом априори на границах истории, устраненном, так как избегает всякого начала и всякого восстановления своего генезиса, и отступающем, так как никогда не может быть современно самому себе в границах какой-либо эксплицитной целостности»²⁵. Для «Археологии» понятия неизбежно и неизбывно историчны: изменению подвластна не только их дистрибуция, но и содержание, функциональность. Причем в археологической оптике «формирование понятий» не является процессом, протекающим «во времени» — как в нейтральной и непричастной среде, — это форма самого времени, определенный тип темпоральности: схемы дистрибуции и соотношения понятий задают саму область актуальности²⁶ для данного дискурса, сферу насущного для него. Фуко разводит актуальность и современность. К примеру, Естественная история и Мендель присутствовали в одном времени, но не были актуальны друг другу. Естественная история не смогла признать и даже понять сказанное Менделем не только потому, что это противоречило ее концептуальным построениям, но еще и потому, что ему просто не «было места» на горизонтах ее будущего — будущего, созданного и очерченного этими построениями²⁷. Мен-

25. Ibid. P. 82–83. Это наш собственный перевод французского оригинала: «...ce n'est pas, aux confins de l'histoire, un a priori inépuisable, à la fois en retrait puisqu'il échapperait à tout commencement, à toute restitution génétique, et en recul puisqu'il ne pourrait jamais être contemporain de lui-même dans une totalité explicite»; мы считаем неудовлетворительным приведенный в русском издании перевод данной фразы: «Этот уровень, располагающийся на границах истории, не является априорным уровнем, неисчерпаемым по своей сути, отстраненным, поскольку, вероятно, избегает всякого начала и всякого воссоздания собственного генезиса, и вместе с тем отстоящим во времени, поскольку он, вероятно, никогда не может быть современным самому себе в пределах какой-либо эксплицитной целостности» (Там же. С. 132).

26. Там же. С. 131.

27. «Мендель высказывал истину, но он не был „в истинном“ биологического дискурса своей эпохи: биологические понятия и объекты формировались совершенно по иным правилам, и для того, чтобы Мендель вошел в „истинное“ и чтобы его высказывания (по большей части) оказались, нако-

дель и Естественная история принадлежали разным «горизонтам событий».

Именно как возвратный элемент дискурса и как особая форма дискурсивной темпоральности понятия и система их формирования коррелятивны ассоциированной области единичных высказываний. По мысли Фуко, каждая историко-культурная эпоха и даже каждая из дискурсивных практик характеризуется своими способами, которыми высказывания упорядочиваются в последовательности, формами, которыми простой факт неминуемой линейности речи приобретает необходимо-логический характер, схемами, посредством которых высказывание соотносится с уже сказанным — возобновляет, уточняет, оспаривает его. Это тот отличительный порядок, которым речь эпохи разворачивается сама из себя, находя свое место на фоне уже сказанного, и резервирует свое собственное будущее. Причем эти способы, формы и схемы не несут непосредственно концептуального характера, наоборот — они предшествуют понятийному уровню и детерминируют его²⁸.

Напомним: Фуко называет понятия «рекуррентными элементами». Помимо значения «возвратности», он здесь, по нашему мнению, резервирует и математическое понимание рекуррентности. Основанием для данного утверждения нам служит указание Дэвида Вебба о том, что под воздействием как математических увлечений Альтюссера, так и исследований истории математического знания Гастона Башляра, Жана Кавайе и Мишеля Серра Фуко на момент написания «Археологии» активно интересовался математикой и заимствовал из этой области различные понятия, принципы интерпретации, метафоры. В книге самого Вебба

нец, верными, понадобилось полное изменение масштаба и развертывание совершенно нового плана объектов. Мендель был истинным монстром — поэтому-то наука и не могла о нем говорить» (Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой, под общ. ред. А. Пузырева. М.: Касталь, 1996. С. 68).

28. *Он же*. Археология знания. С. 129. На наш взгляд, в тезисе Фуко следовало бы поменять кванторы: вряд ли все формы соединения высказываний можно рассматривать как имплементирующие соответственные формы концептуальности, и наоборот, сомнительно, что любую характеристику понятий можно поставить в соответствие и найти ее зависимость от конкретной формы связи высказываний. Между двумя аспектами дискурса — ассоциированной областью высказывания и формированием понятий — следует, скорее, постулировать определенный изоморфизм и частичную зависимость.

«Археология Фуко: наука и трансформация»²⁹ можно найти немало убедительных прочтений различных пассажей «Археологии» в математическом духе.

Рекуррентность в математике — это свойство так называемых рекуррентных последовательностей, в которых последующие элементы высчитываются на основании определенного правила из предшествующих.

Таким образом, высказывания Фуко о понятиях как рекуррентных элементах дискурса мы склонны интерпретировать так:

- 1) значение концепта (понятия, идеи, категории) можно восстановить только на основании анализа той последовательности, к которой он принадлежит, и роли, которую он в ней играет;
- 2) концепт — это своего рода значение «переменной»: он является реализацией определенной схемы соотношения с предшествующими высказываниями и в отношении к этой схеме имеет зависимый характер;
- 3) схема, через которую высказывания и концепты соотносятся с дискурсивным полем, заключает себя саму (свое конкретное «значение») в своей предшествующей реализации (несет рекурсивный характер).

В методологической плоскости трактовка Фуко понятий как «рекуррентных элементов» должна прочитываться следующим образом:

- 1) для каждого из исторических случаев использования определенного концепта следует выявить ту функцию соотношения с уже сказанным, которую это использование реализовывало;
- 2) основываясь на этой выявленной функции, можно и следует реконструировать серию высказываний, в качестве отдельного элемента которой должно рассматриваться это использование;
- 3) необходимо определить, какое место в серии занимает данный конкретный случай — каким высказываниям он наследует и какие строятся на его основе.

Попробуем подобрать для данных мыслей (нашей их реконструкции) Фуко иллюстрацию. Наиболее правильны и уместны в этой роли, безусловно, были бы сами работы французского мыслителя. Однако Фуко нам такой возможности, к сожалению,

29. *Webb D. Foucault's Archaeology: Science and Transformation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.*

не дает. Завершая свой «археологический» этап методологическим опусом, он, по сути, подверстывает задним числом методологию к уже сделанному в «Истории безумия», «Рождении клиники» и «Словах и вещах» и при этом преувеличивает концептуальную когерентность своих ранних работ. В частности, разбор сделанного в «Словах и вещах» с точки зрения новообретенного понимания «формирования понятий», а значит, и их понимания как «рекуррентных элементов», произведенный в «Археологии»³⁰, мы считаем неубедительным. А после «Археологии» под давлением как политических событий, так и концептуальных соображений Фуко вступает в новый этап своей философии, который принято называть «генеалогическим»: проделанная методологическая работа осталась втуне — уже в «Надзирать и наказывать» понятийный аппарат и интерпретационные стратегии создаются заново, без оглядки на сделанное раньше. И все же понимание понятий как рекуррентных элементов исторических дискурсов мы считаем небезынтесным концептуальным ходом, и желательно было бы увидеть его не только в качестве методологического эскиза, задела на нереализованное будущее, но и «в работе», то есть операционализированным относительно конкретной историко-дискурсивной совокупности высказываний. На наш взгляд, как нельзя лучше для данной цели подходит история советской философии. Почти сразу мы сталкиваемся в ней с замкнутой совокупностью понятий, специфическими способами соотнесения со своей современностью и прошлым, которые сохраняют отличительные черты на всем протяжении ее существования. «В лице» советской философии мы имеем дело со специфическим философским дискурсом — достаточно бедным и монотонным в своих лексических и даже синтаксических средствах. Дискурсом, который сознательно и методично репрезентирует себя как повтор и возвращение «того же самого», что было сказано Марксом, Энгельсом и Лениным. Причем именно в этом «вечном возвращении» и повторении, постоянном свидетельствовании своей ортодоксии видели возможность и ручательство радикального будущего и полного переустройства мира (лишь только верным истине марксизма-ленинизма прошлого открыты врата будущего). Современность — это время осуществления и претворения предреченного «отцами-основателями», прошлое же целиком принадлежит им — как извилистый, но неумолимый путь к сказанному ими. Обязательный норматив необходимого

30. См.: Фуко М. Археология знания. С. 130–132.

количества цитат из Ленина, Маркса и Энгельса, которые также постепенно сводились к небольшому и одобренному «сверху» цитатнику, и небольшой набор понятий и фраз-маркеров лояльности — таким было само условие доступа к производству философского дискурса в Советском Союзе. Для поверхностного взгляда вся история 70 лет советской философской культуры выглядит как бесконечная комбинаторика нескольких исходных элементов. Но восприятие советской философии как чего-то серого, неинтересного и скучного остается в силе там и тогда, где и пока мы воспринимаем понятия как самотождественные референции к неизменной действительности. Стоит только, вслед за Фуко, изменить взгляд и интерпретационную стратегию и увидеть понятия и высказывания советской философии не как то, что ими означалось, но как то, что ими осуществлялось, стоит ответить на вопрос, какую прагматичную и перформативную функцию имели они под собой и воплощали собой в каждом из конкретных случаев, — как серое полотно «марксизма-ленинизма» начинает окрашиваться. Говоря «то же самое», советская философия буквально всякий раз говорила все же новое и по-новому. Вторя «отцам-основателям», можно было каждый раз проговаривать иное. В тех же понятиях и через те же самые ссылки на прошлое можно было делать карьеру или исполнять неинтересный, но необходимый ритуал; выражать надежду на сохранение существующего социального порядка или на его радикальную смену; проявлять искреннюю веру в коммунистические идеалы или ироническое отношение к ним³¹.

Возьмем из этой истории в качестве примера один конкретный эпизод: превращение гегельянской и марксовской диалектики в так называемые «Три закона». Рекуррентной функцией, отвечающей за перераспределение концептуальных элементов, здесь была претензия на формализацию. «Три закона» претендовали на уменьшение количества необходимых знаков при сохранении принципиальной тождественности высказанного. То есть они операционализировали весь объем высказанного ранее, надстраивались над ним, как «то же самое», и при этом отрицали его как чрезмерность, избыточность. «Три закона» делали чтение Гегеля бесполезной тратой времени, занятием эрудитов и сумасбродов. Траектория Гегель — Маркс — Ленин — «Краткий курс

31. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2017.

ВКП(б)» может быть рассмотрена как серия высказываний, объединенных общей функцией присвоения прошлого и его отрицания через избыточность. Дистрибуцию, перераспределение, сохранение и забвение определенных концептов на этой линии следует объяснять не исходя из их семантики и замысла создателей, но как серию рекурсивных реализаций однотипной функции относительно «уже сказанного» философией: подведение итогов философии, завершение и закрытие ее «повестки дня» через наконец найденную «истину» (Гегель) — подведение итогов самого гегельянства, захват территорий «научности» и будущности (Маркс) — отстаивание «истины» диалектического материализма, радикализация противостояния с иным («избыточным и ложным») (Ленин и большевизм) — окостенение в нескольких простых формулах (советский марксизм).

Соотнесение с предшествующими высказываниями не имеет однородного характера — каждое высказывание реализует его по-своему. Однако, по мысли Фуко, для каждой из дискурсивных формаций существует принципиальная возможность выявить те формы такого соотнесения или, точнее, сочетания форм, через которые она (дискурсивная формация) будет определена и однозначно выделена среди других. Это сочетание форм и задает единство дискурсивной формации на всем протяжении ее существования. Здесь Фуко прибегает к той же стратегии, что и относительно трех других параметров дискурсивных формаций (объектов, модальностей и стратегий). Он разбивает «формирование понятий» на несколько подпространств, для каждого из них постулировав а) относительную независимость; б) возможность вмещать в себя, быть местом реализации принципиально гетерогенных элементов; в) особую форму созависимости, корреляции, — хоть и не существует однозначного способа переноса элементов из одного подпространства в другие и однозначного способа идентификации элементов разных уровней, зато изменения системы одного подпространства синхронизированы с изменениями на более высоких уровнях, коррелятивны им. Именно эта синхронизированность и коррелятивность и есть по сути своей дискурсивная формация. Данные постулаты — их можно назвать основной «гипотезой Фуко» относительно дискурсивных формаций — мыслитель одинаково повторяет во всех четырех главах о «Формировании...», где-то с большей убедительностью и детализацией, где-то только эскизно, контурно и с меньшей долей уверенности. Последний случай как раз характерен для «Формирования понятий». Поэтому для прояснения мысли (названной нами «гипоте-

зой Фуко») обратимся к более разработанному им «формированию объектов». Здесь Фуко выделяет:

- 1) *поверхности возникновения (surfaces d'émergence)*³² — первичные институты и социальные ситуации осознания и фиксации определенных отличий от нормативных значений (например, кто и в каких ситуациях впервые может назвать определенное поведение преступлением, извращением законов или «ненормальным»);
- 2) *инстанции разграничения (instances de délimitation)*³³ — институты и компетентных индивидов, за которыми признано и закреплено право выносить авторитетное суждение об объектах (эксперт в суде, медицинский работник и т. д.);
- 3) *решетки спецификации (grilles de spécification)*³⁴ — набор интерпретационных и когнитивных сценариев, нарративных моделей, с помощью которых описываются и объясняются объекты.

«Гипотеза Фуко» применительно к объектам звучит так. Во-первых, не существует единой дедуктивной системы, которая дала бы возможность утверждать идентичность объектов в разных подпространствах («ненормальность», впервые засвидетельствованная на уровне повседневности, — это не «невменяемость» как решение суда, и обе они не идентичны тем различным теориям сумасшествия, которые существуют в медицинском дискурсе).

Во-вторых, дискурсивная формация есть принцип сосуществования отличных по сути объектов, которые принадлежат к несовместимым, гетерогенным и гетеротопным сферам.

В-третьих, несмотря на эту принципиальную несводимость, объекты и различные подпространства, к которым они принадлежат, внутри одной дискурсивной формации объединены на уровне дискурса как практики.

Остановимся на последней мысли. Фуко утверждает: какие бы теории и объяснения ни изобретала психопатология для объяснения аномальности, она не сможет уйти от того факта, что она будет восприниматься как та же самая аномальность, к которой чувствительно в данный момент общество, а развертывание ее концептуальных моделей будет вторить техникам полицейских протоколов, практикам административного надзора и судебско-

32. Фуко М. Археология знания. С. 97–98 (Foucault M. Op. cit. P. 56).

33. Там же. С. 98–99 (Ibid. P. 57).

34. Там же. С. 99 (Ibid. P. 58).

го расследования. Именно эту общую когерентность, исторически возникающую между различными дискурсивными практиками, задающую псевдотождественность различных объектов, и следует называть дискурсивной формацией.

Ту же линию рассуждения Фуко стремится применить и к формированию понятий. Здесь он также выделяет отдельные подпространства.

1. *Формы последовательности (formes de succession)*³⁵. Под данной рубрикой он предлагает анализ всех тех схем, посредством которых линейность речи приобретает в рамках дискурса необходимый характер. Анализ тех схем, через которые последовательность возникновения высказываний (временная для устного и пространственная для письма) приобретает характер не простой физической необходимости, но также логически и концептуально обоснованный характер. Это все те способы упорядочения высказываний, которыми их совокупности превращаются в текстовое целое, а не простой набор параллельных и несвязанных событий.

Сами формы последовательности могут быть разделены на:

- формы упорядочения — каким образом и в какой последовательности делаются выводы, как нарастает абстрактность понятий или, наоборот, их специфичность, каким образом порядок высказываний повторяет порядок событий во времени;
- типы зависимости: связь между гипотезой и ее верификацией, теорией и ее конкретным приложением;
- риторические схемы построения и развертывания текста.

2. *Формы сосуществования (formes de coexistence)*³⁶. Кроме связей, которыми соединяются высказывания, идущие одно за другим, для каждого из них также должна быть выявлена и более обширная сеть связей, задающая топологии того, что можно назвать «дискурсивным временем». Высказывание — это своеобразная точка доступа к фрагментам прошлого и структура своего возможного будущего. Каждое высказывание может быть рассмотрено как реминисценция, цитата, воспоминание или критика «уже сказанного».

Фуко также подразделяет формы сосуществования на несколько самостоятельных подуровней:

35. Там же. С. 122–123 (Ibid. P. 75–77).

36. Там же. С. 124–126 (Ibid. P. 77–78).

- поле присутствия (*champ de présence*): совокупность имеющих место высказываний, на которые непосредственно опирается новое, те «очевидные истины», из которых исходит речь, или актуальные проблемы, соперничающие мнения, которые она берется решить или оспорить. Поле присутствия — это сфера перформативности и актуальности;
- поле сосуществования (*champ de concomitance*): складывается из всех высказываний, которые принадлежат к иным дисциплинам и дискурсам, имеют дело с другими объектами и проблемами, но все же оказывают влияние на формирование высказываний и концептов в данной дисциплине в данное время. Это могут быть модельные высказывания образцовой для данного времени дисциплины, уподобиться которой стремятся иные направления, по аналогии с которой строятся высказывания в других ветвях знания. Или это могут быть концептуальные положения, которые рассматриваются в качестве общезначимых принципов самой рациональности и логики. Наконец, это могут быть высказывания, наделенные политическим, социальным или религиозным авторитетом, существование которых необходимо учитывается и влияет на развитие дисциплины в конкретный историко-культурный отрезок ее истории;
- область памяти (*domaine de mémoire*): совокупность высказываний, которые уже не рассматриваются в качестве непосредственных объектов критики или обсуждения, высказываний «устаревших», отвергнутых, с которыми тем не менее дискурс выстраивает связи филиации и преемственности, которые он признает и удерживает как свое известное и легитимное прошлое.

3. Процедуры вмешательства (*procédures d'intervention*)³⁷. Под рубрику процедур вмешательства попадает совокупность легитимных и характерных для данного дискурса способов переноса, транскрипции и перевода высказываний между различными его уровнями и сферами. Сюда необходимо отнести техники формализации и перевода качественных высказываний в язык символов и цифр; процедуры аппроксимации и разграничения знания; разные стратегии систематизации суждений и т. д. Одним словом, процедуры вмешательства — это совокупность доступных для

37. Там же. С. 126–128 (Ibid. P. 78–79).

дискурса операторов, посредством которых он меняет статус высказываний и их перформативный горизонт. Высказывания, которые реализуют ту или иную форму «вмешательства», соединяются с «уже сказанным» не в фактическом порядке, за счет своего нахождения рядом с ними в едином текстовом/временном целом, но как активная, акторная инстанция. «Вмешательство» — это все те формы и способы, посредством которых высказывания превращаются из «добропорядочных соседей» других высказываний в их захватчиков; те формы и способы, которыми они нарушают наличные границы, отрицают чужой «суверенитет». С точки зрения дискурсивного аналитика, аппроксимация, формализация, систематизация, транскрипция (но и экзегеза, аналогия и анагога — для других эпох) и т. п. — это не просто методы со своим теоретическим обоснованием и критериями осуществления (данная их сторона должна быть вынесена в дискурсивном анализе «за скобки»), это еще и присущие высказываниям формы совершать нечто относительно других высказываний, их своеобразные «поведенческие паттерны».

Фуко пробует, как в других главах «Формирования...», провести относительно всех рассмотренных уровней и гипотезу их системности. Однако именно тут мысль французского философа звучит наименее убедительно. Фактически вместо идеи сквозной связи всех подпространств формирования концептов в рамках единой дискурсивной практики он предлагает более мягкую формулировку: отдельные подпространства и даже отдельные уровни подпространств связаны своими отдельными зависимостями и корреляциями³⁸. При этом «Археология» не предлагает никаких механизмов выявления подобных зависимостей.

Несмотря на некоторую концептуальную чрезмерность построений Фуко³⁹, за всеми этими терминологическими каскадами следует признать как минимум несколько интересных мыслей

38. Там же. С. 130–132.

39. Рискнем привести еще одну жанровую метафору. «Археология знания» — это своеобразное понятийное барокко: избыточное и расточительное. Формирование понятий включает в себя формы сосуществования, последние состоят из поля присутствия, поля сосуществования и области памяти... кажется, что Фуко готов наращивать этот понятийный фрактал и далее, к вконец ужасу читателя. Тем более что последний оставлен без необходимых объяснений: почему именно эти разграничения? почему в такой последовательности и в таком количестве? каков принцип всех этих дистинкций? насколько предлагаемые Фуко термины и их уровни зависят от специфических примеров, приведенных в «Археологии», и не придется ли перестраивать всю их систему, если археологический метод применить к другим областям, эпохам?

и ходов мысли: высказывания эпохи имеют свою, специфицирующую эту эпоху, «тональность» которая складывается из: а) специфичных способов разворачивать серии высказываний в текстовое целое, способов речи выстраивать самое себя; б) характерных схем цитирования, отсылок и аллюзий на другие высказывания; в) отличительных методов активного оперирования другими высказываниями. Фуко при этом настаивает, что именно на пересечениях высказываний и появляются основные концепты эпохи как внешняя данность и лексический конденсат исходного метода «плетения» дискурса.

Повторим: вряд ли здесь существует полная и всеобъемлющая детерминация, и отождествление в «Археологии» механизма формирования концептуальных единиц со способами «ассоциации» высказываний между собой следует рассматривать как «художественное преувеличение». Но сама мысль, что дистрибуция и пути циркуляции понятий в эпохе должны объясняться не в терминах «опыта» и форм «чувственности» культуры (как если бы она представляла собой живой организм, насыщающий новые объекты и находящий для них новые слова) или ментальности/мировоззрения времени, но через анализ специфических функциональных отношений, которыми высказывания соединяются в единую ткань, — мысль, безусловно, революционная, интересная и достойная дальнейшего анализа и операционализации.

Библиография

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 годов. С. 159–206.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2017.
- Blanchot M. Michel Foucault tel que je l'imagine. Montpellier: Fata Morgana, 1986.
- Dreyfus H. L., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
- Foucault M. L'Archéologie du savoir. P.: Gallimard, 1969.
- Jørgensen M. W., Phillips L. J. Discourse Analysis as Theory and Method. L.: Sage, 2002.
- O'Farrell C. Foucault: Historian or Philosopher? Basingstoke: Springer, 1993.
- Webb D. Foucault's Archaeology: Science and Transformation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

CONCEPTS AS RECURRENT ELEMENTS OF DISCOURSE:
AN APPROACH TO THE HISTORY OF CONCEPTUALITY IN MICHEL
FOUCAULT'S *THE ARCHEOLOGY OF KNOWLEDGE*

IVAN NOVIK. Junior Researcher, Centre for the Historical-Philosophical and
Comparative Research, novik.jan@gmail.com.

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, 1/2
Surganova str., 220072 Minsk, Belarus.

Keywords: discursive analysis; archeology of knowledge; Michel Foucault.

The article concentrates on Michel Foucault's idea from *The Archeology of Knowledge* that concepts are recurrent elements of discourse; it is argued that this theme has been insufficiently appreciated and developed. The identification of concepts as a particular kind of repetitive element of discourse means that there is an unequal probability of the distribution of linguistic units in a discourse and therefore discursive regularities are evident. Concepts are also characterized by Foucault as the realization of a specific discursive temporality: their distribution and circulation indicate what is topical and urgent for a given discourse, what is retained from their own past, and what potential future is in store for them. Concepts as a recurring element and as a form of discursive temporality are correlative with the "associative field" of an utterance, i.e. with the form of correlation with the field of the "already said" which is distinctive of an utterance. Finally, recursion must be considered here particularly in the mathematical sense: the concept is a kind of value for a "variable" in a recursive function, i.e. it is the realization of a certain scheme of correlation with prior utterances, and it is dependent upon that scheme.

The author considers three "subspaces" of the formation of concepts from the *The Archeology of Knowledge*: forms of succession, forms of coexistence, and procedures of intervention. It is argued that these subspaces should be understood primarily in terms of the "Foucault hypothesis" that runs through the four chapters of *The Archeology* that in turn deal with the formation of objects, of modalities, of concepts, and of strategies. The selected subspaces are independent of each other — there is no conceptual way to encompass them in any kind of unity. However, they are interrelated historically — changes in the system of one subspace are synchronized with changes at higher levels and correlates with them.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-126-148

References

- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobr. soch.* [Collected Works], Moscow, Russkie slovari, 1996, vol. 5: Raboty 1940–1960 godov [Works of 1940–1960s], pp. 159–206.
- Blanchot M. *Michel Foucault tel que je l'imagine*, Montpellier, Fata Morgana, 1986.
- Dreyfus H. L., Rabinow P. *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, Chicago, University of Chicago Press, 2014.
- Foucault M. *Arkhéologiya znaniia* [L'Archéologie du savoir], Saint Petersburg, Gumanitarnaia akademiia, 2004.
- Foucault M. *L'Archéologie du savoir*, Paris, Gallimard, 1969.

- Foucault M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years], Moscow, Kastal', 1996.
- Iurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: Last Soviet Generation], Moscow, New Literary Observer, 2017.
- Jørgensen M. W., Phillips L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*, London, Sage, 2002.
- O'Farrell C. *Foucault: Historian or Philosopher?*, Basingstoke, Springer, 1993.
- Webb D. *Foucault's Archaeology: Science and Transformation*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2012.